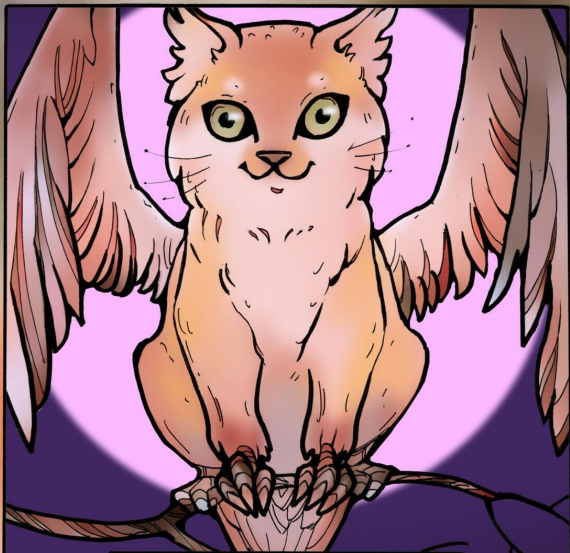

НЕВИДАНЫЕ
ЧУДЕСА
ДИВНОЗЁРЬЯ

АЛАН ЧАРОИТ

Алан Чароит
Невиданные чудеса Дивнозёрья
Серия «Дивнозёрье», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69690814

Невиданные чудеса Дивнозёрья:

Аннотация

Сборник сказок. Юная ведьмочка Тайка и её друг – коловерша по кличке Пушок продолжают расследовать загадочные истории. Кто, кроме них, сможет помирить Бабу Ягу и Водяного, раскрыть секрет Пиковой Дамы или узнать, чего на самом деле хотят духи зимы?

Но в прошлом Дивнозёрья, оказывается, тоже есть немало тайн. Почему Тайка стала ведьмой, а её мама отказалась от волшебства? Как Пушок очутился в мире смертных? Кто такая царевна Несмеяна и почему она стала повелительницей ночных кошмаров? Как приручить симаргла?

Давайте отправимся в волшебный край на поиски ответов!

Содержание

По ту сторону вязового дупла	4
Ясинкин Ясень	15
Тот самый день	27
Заклинание от страха	44
Не для тебя цветочек рос	51
Дом для домового	63
Живин день	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Алан Чароит **Невиданные** **чудеса Дивнозёрья**

По ту сторону вязового дупла

Он вылупился из яйца в канун летнего солнцестояния, в самую светлую ночь года, и шерсть его казалась рыжей, как пламя, поэтому родители прозвали его Солнышком. Это было всего лишь детское имя, а настоящее, взрослое, он должен был получить немного позднее.

Его мама – маленькая белоснежная коловерша с аккуратными чёрными лапками – каждый день таскала в гнездо самые вкусные и сочные ягоды, а папа – серо-полосатый и очень пушистый – вскоре стал брать сына с собой в лес на охоту.

– Смотри и учись! – он выпускал длинные острые когти и расправлял могучие крылья. – Скоро ты станешь таким же сильным, как я, и сможешь сам добывать себе пропитание.

Но Солнышко так и не полюбил охотиться. В то время как другие маленькие коловерши весело выслеживали мышей и гонялись за птицами в небесах (летать они начинали уже через месяц после появления на свет), он тайком лазал в запо-

ведный царский сад в Светелграде.

Мать ругалась, мол, схватят тебя стражники, ошпилют перья – будешь знать.

– Но я же ничего не трогаю, просто смотрю, – удивлялся Солнышко и тут же просил: – Мам, а расскажи сказку! Ну, пожалуйста!

И та рассказывала сыну о чудесах, которые встречались только по ту сторону вязового дупла.

Там, на другой стороне, жили люди – не обычные дивьи, а таинственные «смертные». Их жизнь была короткой, зато яркой, как падающая звезда в августовском небе. А ещё в человеческом краю, по слухам, росли самые вкусные ягоды на свете – земляника, малина и вишня. Солнышко, немея от восторга, повторял за матерью эти слова, словно пытаясь представить, каковы они на вкус. Наверное, очень сладкие?

Вскоре он и сам начал сочинять сказки о людях. В его историях большие рогатые животные приходили, чтобы отдать детям своё молоко, а капли, проливавшиеся из их чашек, становились молочной рекой в ночном небе (таким Солнышку представлялся Млечный путь), из вишнёвых косточек он планировал построить себе просторный дом, чтобы жить в нём на той стороне, и вдобавок собирался каждый день с утра ходить в булочную (тоже очень «вкусное» слово), чтобы купить (интересно, как это делается?) имбирных пряников и рогаликов в масле.

Молодые коловерши смеялись над ним. А Тучка – граци-

озная дымчатая забияка из старших – больше всех потешалась над Солнышком:

– Дурачок! Земляничная поляна – пф, придумаешь тоже! Не бывает никакой земляники – это всё глупые выдумки!

– Но царство людей существует! И я туда непременно попаду! – Солнышко чуть не плакал всякий раз, когда Тучка смеялась над его заветной мечтой.

– Ага, так тебя мамка и пустила!

– Я из дома убегу!

– А я твоему папке всё расскажу!

– Тучка-вонючка!

Их перепалки часто заканчивались дракой. Тучка была сильнее, но Солнышко всё равно лез на рожон первым и всякий раз бывал бит.

Дома он зализывал царапины и тихонечко поскуливал, слушая увлекательные рассказы матери о совах и кошках. Говорили, эти странные существа появились на свет после эксперимента одного неудачливого волшебника: стайку пролетавших мимо коловершей разделило надвое. Одни потеряли крылья, зато обзавелись длинным вертлявым хвостом, вторые совсем лишились шерсти и так этому удивились, что их глаза стали круглыми, как плошки. Но и те, и другие продолжили охотиться на мышей. В дивьем царстве совы и кошки совсем не прижились, а вот у людей, наоборот, задержались надолго. И Солнышку хотелось хоть одним глазком взглянуть на этих диковинных созданий – ух, и страшные

они, наверное?!

Увы, мечты оставались лишь мечтами до поры, пока надежды на их гнездовье не напали жар-птицы.

Это только в сказках они добрые, а на деле – худших тварей не сыскать на всём белом свете: прожорливые, наглые, орущие дурным голосом и... ненавидящие коловершей.

Впрочем, коловерши отвечали им взаимностью. Поэтому, когда стало известно, что к гнездовью приближается огненная стая, все ужасно переполошились.

– Нам конец! – Тучка запричитала первой.

В детстве она была самой крупной и сильной, а теперь даже Солнышко (а он ведь был на целых полтора года младше) давно её перерос. Впрочем, Тучка беспокоилась не зря: в последнее время даже ходили слухи, что сам Кощей Бессмертный ходил к ним на поклон, о чём-то договаривался и в конце концов заключил тайный союз. Поэтому старейшина – мудрый коловерша по имени Каштан – молвил так:

– Мы вместе встретим врага и дадим ему достойный отпор! А стариков и детей уведём подальше. Чую, эта битва будет не из лёгких.

И напрасно Солнышко кричал, что он уже не ребёнок, ему приказали немедленно вести остальных в укрытие. Ещё и Тучка подпустила яду, фыркнув на ухо:

– Мал ещё со взрослыми летать. Нос не дорос!

Это было очень обидно. Ведь Тучку-вонючку они с собой взяли!

Далеко уйти им не удалось. Вдруг откуда ни возьмись поднялся сильный ветер, затрещали сучья и – фр-р-р! – отовсюду налетели проклятые жар-птицы. От их огненного оперения лес вспыхнул, и долину заволокло густым дымом.

Солнышко в испуге заметался, натыкаясь на деревья. Пару раз его отбрасывали в сторону, крича: «Смотри, куда прёшь!» Он сам толком не знал, как выбрался, – только и запомнил боевой клёкот, хлопанье крыльев, запах гари, выдранные перья, горячий обжигающий грудь воздух и чёрный-чёрный дым... Он летел наугад – лишь бы оказаться где-нибудь подальше от этого ужаса. Потом обо что-то ударился, упал и провалился в забытие.

* * *

Очнулся Солнышко, когда его тёзка – небесное светило – уже клонилось к закату. Над ним склонилась синеглазая девушка в голубом сарафане, и Солнышко на всякий случай сделался невидимым. Однако девушка не перестала на него пялиться.

– Бедняжка, – она погладила коловершу пальцем по крылу, и прикосновение отозвалось болью. – Досталось же тебе... Ничего, мы тебя выходим, малыш. Бабка Ведана поможет.

– Я уже не малыш! – возмутился Солнышко. – Ты кто такая? Где я вообще?

Девушка ничего не ответила, только руками всплеснула:
– Ну не плачь! Больно, да? Потерпи немного, сладкий.

Она сняла передник, завернула в него раненого коловершу, взяла на руки, будто спелёнутого младенца, и прижала к груди. С глубоким вздохом она поправила прядку волос, выбившуюся из косы возле самого уха, и только теперь Солнышко увидел: а уши-то не острые. Эта девушка – человек! Смертная!!!

Ему вдруг стало дурно, и юный коловерша попытался сомлеть. Ох, совсем не так он представлял себе своё увлекательное путешествие в волшебный край людей...

– Как же тебя назвать, рыженький? – девушка призадумалась, закусив кончик тощей косицы.

– Я – Сол-ныш-ко! – как можно чётче произнёс коловерша, но его опять не поняли.

– Надо придумать хорошее имя... Хм... Ты такой пушистый, значит, будешь Пушком! Привет, Пушок, – она почесала его под подбородком, и коловерша неожиданно для себя заурчал.

В душе он ликовал: кажется, ему только что дали взрослое имя. Настоящее! Значит, он теперь совсем большой, как папа!

* * *

Чудесный край людей оказался вовсе не таким, каким Пу-

шок его представлял в детстве, а даже ещё лучше! Сколько здесь было всякий вкусностей: пирожки, грибы, куриные яйца, мочёные яблоки и, конечно, ягоды. Больше всего ему полюбилась вишня, но малинники он тоже разорял с завидным упорством. А вот земляничных полей так ни разу и не встретил. Может, правда, не бывает их?

В волшебном человечьем царстве жили и другие коловерши, но те отчего-то сторонились чужака:

– С человеками водится, – ворчали они, презрительно воротя морды. – Явился – не запылится, свалился невесть откуда на нашу голову, да ещё и у бабки Веданы живёт. Ишь, прохвост...

И сколько ни носил им Пушок гостинцев, сколько ни пытался подружиться, а своим среди чужих так и не стал. Только получил презрительную кличку «Домашний».

Самое странное, что обижался он недолго. Жить у бабки Веданы – местной ведьмы-хранительницы – ему нравилось. Ну сами посудите: кормят, поят, за ушком чешут, а даже если и журят за всякие проказы, то ласково – чего ещё желать? И девица эта, которая его нашла, – Василисушка – души в нём не чаяла, хоть по-прежнему не понимала по-коловерши (впрочем, никто из людей не понимал). Зато она и вылечить его помогла, и перья от гари все аккуратно очистила мокрой тряпчочкой, а потом таскала ему из дома что-нибудь вкусненькое, отчего Пушок заметно округлился и повеселел.

Юный коловерша быстро сообразил, что Василисушка эта

при бабке Ведане кем-то вроде ученицы была, и стал летать за ней то в лес собирать травы, то на Жуть-реку купаться, то ещё куда – надо же было получше всё тут разузнать.

Волшебный мир людей назывался Дивнозёрье. Пушок не сразу запомнил это мудрёное слово, но, выучив, понял, что не забудет уже никогда. Как же много здесь было чудес! Не то что дома!

Однажды он таки нашёл настоящую земляничную поляну (ага, значит, бывает!), наелся до отвала сладких ягод и вдруг, вспомнив маму, папу, старейшину Каштана и даже несносную серую Тучку, затосковал.

Интересно, как там поживают сородичи? Надо бы их навестить, рассказать о своих приключениях! То-то все удивятся!

Пушок немедленно принялся воплощать планы в жизнь: утащил у бабки Веданы полотняную суму, набил её доверху спелой земляникой и, кряхтя от натуги, полетел в сторону вязового дупла. Он ничуть не сомневался, что найдёт родное гнездовье целым и невредимым: ведь во всех историях, которые Пушок слышал раньше, добро всегда побеждало зло. Коловерши были хорошими ребятами, а жар-птицы – плохими. Нетрудно угадать, кто выиграл!

* * *

На той стороне его ждало горькое разочарование. Не то

что родного гнездовья – вокруг даже леса-то толком не было. Так, три чахлые берёзки... В лицо дохнуло небывалым холодом, а внизу вместо мягкой зелёной травы показалось что-то белое и скользкое. Нежные подушечки лап вмиг заныли на ветру, и Пушок от неожиданности выронил суму. Алые ягоды раскатились по белому, будто капли крови испачкали чистую простынь.

Пушок камнем упал в сугроб, задрал голову и тихонечко заплакал, сетуя на жизнь. Серое безжизненное небо не ответило. Казалось, из мира начисто исчезли все краски и теперь так будет всегда. Это было довольно жутко!

Напрасно он летал кругами, плакал и звал сородичей – никто так и не откликнулся. Пушок подумал, что, наверное, это конец: мир, где он родился, превратился в безжизненную белую пустыню. Враги сперва выжгли его дотла, а затем заморозили...

Оставался лишь один путь: снова нырнуть в вязовое дупло, а там – будь что будет!

Поникший и промокший до костей, он вернулся к бабке Ведане, волоча за собой подранную сумку с мороженой земляникой на дне.

– Ох ты ж! – старая колдунья всплеснула руками. – Где ж тебя черти носили, окаянного!

Она завернула продрогшего Пушка в полотенце, насухо вытерла и усадила на печку. К счастью, коловёрша быстро отогрелся и даже умудрился не заболеть – разве что чихнул

пару раз. Вот только внутри у него как будто что-то замёрзло – и не отогрелось, несмотря на очень жаркое лето.

* * *

В следующий раз Пушок увидел белые хлопья, падающие с серого неба, уже зимой и ужасно испугался, подумав, что Дивнозёрье теперь тоже превратится в белую пустыню.

Хорошо, что бабка Ведана, разглядев в его глазах страх, поспешила успокоить взволнованного коловершу:

– Это всего лишь снег, дурачок! Зимушка-зима настала. Можно на санях кататься, в проруби купаться да песни петь. Вот только самой главной запевалы у нас нынче не будет... Эх, выдали Василисушку замуж. Осиротела бабка.

Пушок сперва ничего не понял. Он, разумеется, знал, что люди тоже женятся, как и коловерши. Заводят гнёзда, деток. Но старая ведьма говорила о свадьбе так, будто в этом было что-то плохое...

Позже он догадался: бабка жила на свете одна-одинёшенька, ни сыновей, ни дочерей, ни внуков с внучками – никого у неё не было. А Василисушка хоть и не родня ей была, любила её Ведана, как свою кровиночку. Вот только родители, видать, не захотели, чтобы их доченька любимая ведьмой стала, потому и просватали её куда-то в дальние края.

Тогда Пушок решил, что обязательно отыщет бабке другую ученицу, чтобы было, кому колдовское ремесло пере-

дать. А то негоже чудесному миру дивнозёрскому остаться без ведьмы-хранительницы.

Этим он решил заняться по весне, когда девки весну закликать начнут. Можно будет присмотреться, выбрать кого-нибудь посмышлёнее да поголосистее.

Пока же он каждый вечер сворачивался калачиком на коленях у старой ведьмы и мурлыкал себе под нос песенку, которую в детстве слышал от матери:

«Те, что были прежде врозь, встанут заодно – может, повстречаться нам было суждено? С давних пор на том стоит наше волшебство: друг спасёт тебя, а ты выручишь его».

Старая ведьма не понимала ни слова, но всё равно обнимала коловершу обеими руками; иногда плакала, зарываясь морщинистой щекой в густую рыжую шерсть, и всё приговаривала:

– Главное – дожждаться весны, Пушочек. Доживём до тёплого солнышка – а дальше полегче будет. Может, даст бог, ещё свидимся с Василисушкой.

Пушок мурлыкал песню так громко, как только мог. Он не знал иного способа сказать, что им с бабкой Веданой больше никогда не будет одиноко, потому что теперь они есть друг у друга. Ведь правда?

Ясинкин Ясень

Когда твоя старшая сестра – злая ведьма, – это самое худшее, что может случиться в жизни. Так думал юный царевич Радосвет из Светелграда. Он даже змеев горынычей меньше боялся: те прилетали, пыхали огнём, поджигая пару крыш, и улетали обратно в Навьи земли. А сестра всегда была тут, рядышком...

Ух и натерпелся от неё Радосвет! Ясинка возненавидела младшего брата в день, когда тот появился на свет. Весь двор радовался, мол, наследник родился! А сестрица ушла к себе, заперлась в покоях девичьих и целную седмицу потом не выходила. Озлилась, что батюшкино да матушкино внимание теперь не ей одной доставаться будет.

А как подрос царевич, начала сестрица его изводить. Особливо пугать любила – тенями страшными под окном, воем лютым, темнотой в неурочный час, пауками да кики-морями.

– Ты на сестру не серчай, – говорила мать, утешая плачущего сына после очередной выходки Ясинки. – Пугает тебя, а ты не бойся. Царевичу надлежит быть смелым.

Радосвет, вытирая зарёванные глаза, отвечал:

– Пускай она уже поскорее замуж выйдет и уедет от нас. Не хочу её видеть!

Мать, конечно, вздыхала. Не нравилось ей, что дети меж

собой не ладят. Но что тут поделаешь, когда дочка всякий раз обещает, что больше не будет, а потом всё равно делает?

После Ясинка таиться научилась. Нашлёт видение, от которого у Радосвета сердце в пятки, тот – бегом к отцу и матери жаловаться. Пока туда-обратно обернётся, всё уж давно рассеется, и только Ясинка чистыми глазами хлопает:

– Не виноватая я! Батюшка, матушка, чего он на меня наговаривает?

А сама потом шипит на ухо:

– Ещё раз пожалуешься, щенок, я тебя так напугаю, что имя своё забудешь.

И однажды Радосвет даже жаловаться перестал. По-прежнему боялся – от каждого шороха вздрагивал, – но теперь уж молчал. Ведь если расскажешь – только хуже будет!

Он немного воспрянул духом, когда к сестрице потянулись женихи – сперва из ближних земель, а потом и заморские принцы. Ясинка ведь, несмотря на дурной нрав, была на диво хороша собой: глаза как яхонты, волосы – чистый лён, идёт – как лебедь белая плывёт.

Вот только надеждам на скорое замужество сестры не суждено было сбыться: ни один из женихов не пришёлся взыскательной царевне по душе. Приходили они с дарами богатыми, с песнями любовными, а в ответ получали лишь насмешки да обидные прозвища. Дескать, этот некрасивый – значит, Принц-страшила. Тот ростом не вышел – Король-с-ноготок, а третий глуп как бревно – стало быть, Чурбан-царевич бу-

дет. Начали тогда и саму Ясинку Переборчивой Невестой величать, а ей только в радость. Знай, ходит, нос задирает. А однажды сказала так:

– Растёт у царя-батюшки во дворе старый яшень – ствол в три обхвата, листвою солнце закрывает. На нём живёт птица дивная: поёт так сладко – заслушаешься. Только никто эту птицу не видал, ибо прячется она в густых ветвях. Кто сделает так, чтобы солнышко в мои покои проникало, да птицу чудную споймает и принесёт – за того замуж и пойду.

Уж что только царевичи и королевичи не делали: и рубить Ясинкин яшень пытались, и залезть по гладкому стволу пробовали, и колдовские ветры буйные насылали, чтобы тот сам упал. А яшень стоит – и хоть бы хны.

Царь Ратибор уже не знал, что и делать. Ведь всякий, у кого сегодня не получилось, говорил: мол, завтра попробую, – а сам во дворец пировать. Цельный год пришлось гостей потчевать, никто так и не уехал. А казна даже у дивьего царя не бесконечная!

Зато Ясинка радовалась пуще прежнего – и внимание ей, и почести, и ласковые слова в уши. Царевич Радосвет сам видел, как она ночами свой яшень настоями из трав поливает да чарами укрепляет, чтобы ещё выше и крепче рос. Пытался женихам правду сказать, но ему, как всегда, не поверили. Лишь отец, сурово сдвинув брови, молвил:

– А коли и так, что в том дурного? Истинному испытанию надлежит быть сложным.

Радосвет спорить не стал, хоть и знал, что по ночам отец и сам к этому проклятому ясеню лучших колдунов водит, чтобы доченьку-кровиночку поскорее замуж выдать.

Однажды терпение отца лопнуло, накричал он на Ясинку рыком своим царским:

– Ты нешто ополоумела совсем? Невозможные задания женихам даёшь. Вот увидишь, уйдут они, так и останешься как дура в девках.

– А коли останусь, невелика беда, – фыркнула строптивая царевна. – Буду с вами жить-поживать. А когда придёт срок, возведёшь меня на престол вместе с Радосветом. Он у нас хилый да болезный, даже собственной тени боится. Ему нужна будет подмога в правлении.

Тут-то и понял Радосвет, для чего всё было затеяно. Только поделаться ничего не мог – боязно стало идти супротив Ясинки. Это прежде, когда он совсем крохой был, сестра ему пауков в люльку подкладывала да зловредных кикимор подсылала, а теперь стала учинять пакости и похуже: то упыря натравит, то духа какого неупокоенного. Всё сильнее становились страхи и мёрочи – видать, задумала сестра, чтобы он и вовсе рассудка лишился.

* * *

Однажды Радосвет не выдержал. Улучил момент, когда вечером женихи пировать сели, сам взял топор серебряный

да пошёл к Ясинкиному ясеню. Авось повезёт не срубить, так хотя б ослабить упрямое дерево. Так, чтобы потом любой из женихов пнул – и оно само завалилось.

Ударил топором раз, другой – ничего. Ни щепочки малой из-под лезвия не вылетело, ни листочка наземь не упало. Сел он тогда, закручинился, головушку повесил. И тут вдруг потемнело небо, сверкнула молния, налетели злые ветры, прямо посередь двора вихрь закружился. Испугался царевич, спрятался за ясеневый ствол. Видит – вышагивает по тропинке конь невиданный: сам чёрный, а глаза синим огнём горят. Ух, и жутко! И всадник тоже весь в чёрном, тощий как жердь и одет не по-нашенскому. Сперва Радосвет подумал: наваждение. Ан нет.

Остановился всадник, снял капюшон, открывая бледное лицо, и, задрав голову, молвил:

– Доброе выросло дерево.

На челе незнакомца блистал серебряный венец, и Радосвет догадался – это же наверняка новый заморский принц его сестрицу сватать едет. Превозмогая ужас, он вышел из-за дерева, чтобы поприветствовать гостя.

– Мир тебе, гость заморский!

– И тебе мир, коли не шутишь, – улыбнулся тот. – Топор-то тебе зачем? Для разбойника ты, парень, хиловат, уж прости. Да и взять с меня нечего.

– Обознался ты, – царевич, смутившись, сунул топор за пояс. – Я не тать ночной, а Радосвет, царский сын. Хочу, по-

нимаешь, это проклятое дерево убрать с глаз долой.

Незнакомец рассмеялся:

– Да как же ты его уберёшь, коли оно до самых мировых основ проросло?

– А ты откуда знаешь? – Радосвет недоверчиво прищурился.

Всадник соскочил с коня и протянул ему руку:

– Моё имя Ри Онэн, я прибыл из далёких земель. На нашем языке моё имя означает «король Ясень» – мне ли не знать про это дерево?

– А зачем ты приехал? К сестре моей свататься, что ль? – царевич пожал руку и охнул: ладонь под перчаткой гостя ощущалась так, будто из одних костей состояла, а плоти на ней и вовсе не было.

– Может, и посватаюсь, – усмехнулся тот. – Какова она? Хороша ли собой?

– Хороша лицом и статью, – буркнул Радосвет, – но не нравом.

– М-м-м? Строптивая?

И тут царевич – откуда только слова нашлись – выложил заморскому гостю всё как на духу. И как его Ясинка с самого детства чёрной ворожбой изводила, чтобы с ума свести да самой править, и как над женихами потешалась, и как дерево чарами укрепляла.

Тот же слушал, улыбаясь всё шире и шире, а дослушав, молвил:

– Таковую девицу я и искал. Заключим сделку, царевич? Я тебе помогу, а ты – мне.

– И что я должен буду сделать? – Радосвет сглотнул. Не понравился ему тон гостя, ох как не понравился.

– Ничего такого, сущие пустяки. По нашим обычаям брат имеет право за сестру говорить, а сестра – за брата. Скажи, мол, я, Радосвет, отдаю свою сестру королю Ясеню из Страны-Где-Не-Спят.

– И всё? – царевич не поверил своим ушам. Неужели так просто?

– И всё.

– А если она не захочет за тебя пойти?

– Подумаешь, – пожал плечами король Ясень, – её судьба хочешь – не хочешь, а ко мне рано или поздно приведёт. Никуда она не денется.

Сердце Радосвета забилося часто-часто, и он, зажмурившись, выпалил:

– Коли так, быть посему! Я, Радосвет, отдаю тебе, король Ясень из Страны-Где-Не-Спят, свою сестрицу Ясинку в жёны. Забирай, и чтобы мои глаза её не видали! Кстати, а почему в твоей стране не спят-то?

– Потому что заснуть бояться, – хохотнул гость, снимая перчатки.

Конь взвился на дыбы и заржал, а Радосвет обомлел, глядячи: руки у короля Ясеня и впрямь оказались костяными. Кого же он встретил? Уж не Кощея ли? Или, может быть,

саму Смерть?

Царевич хотел броситься прочь, но ноги словно приросли к земле. Спину покрыл холодный пот, поджилки затряслись – много он за свою жизнь боялся, но такого ужаса никогда прежде не чувствовал.

А король Ясень спешил, приложил ладонь к стволу и что-то шепнул на незнакомом языке. И дерево покорилося. Нет, не упало, а раздвинуло ветви, открывая небо. Лунный свет затопил двор, проникая прямо в окно царевны.

– Что ж, первое условие выполнено. Теперь второе, – улыбнулся заморский гость и вдруг засвистел по-птичьи.

«Фр-р-р», – послышался шелест крыльев, и на его зов прилетела синяя птичка размером не больше воробья. Клюв у неё был будто посеребрённый, а глаз... глаз вообще не было! Пичужка была слепа как крот. Радосвет никогда такой прежде не видел.

– Что это за диковинка? – ахнул он.

– О, это редкая птица, – король Ясень погладил пичужку по встрёпанному хохолку. – Её зовут Птица-Справедливость. И хоть справедливость слепа, но слух у неё острый. Каждое невыполненное обещание слышит. А услышав, откладывает яйцо. Вот, взгляни сам.

Он снова что-то сказал дереву на своём языке, и то спустило вниз ветку с гнездом.

Царевич не успел пересчитать яйца, как король Ясень накрыл их платком и убрал в седельную сумку.

– Из каждого такого яйца может вылупиться Птица-Мсть, – пояснил он, скаля зубы. – И поверь мне: нет в мире силы сильнее этой. За ней я приехал, а вовсе не за твоей сестрой. Но, коль подвернулась удача, заполучу и её в придачу.

– Откуда же ты узнал, что у нас завелась такая птица? – Радосвета терзало дурное предчувствие.

– Как не знать, когда я сам посадил это дерево, – ухмыльнулся король Ясень. – Все королевства, все царства объехал, когда и дед твой ещё на этой земле не жил. Да только не везде взошли семена, а лишь там, где издавна обещаний не выполняли.

– Но Дивьи люди не врут! все мои предки были очень честными, – запротестовал Радосвет. – Я знаю, я в книжках читал.

– Не всё, что в книжках написано, – правда. Зависит от того, кто их написал, – гость отстегнул от седла клетку и поместил туда слепую птаху. Видать, и впрямь готовился. – Знаешь, а ведь царевна Ясинка – достойная продолжательница традиций вашей семьи. Это ты, похоже, не уродился. Слишком честный. Таких легко провести.

Ох, как царевичу от его слов обидно стало! Вроде за честность похвалили, но всё равно дурачком выставили.

– И что же теперь будет? – вскричал он, яростно глядя прямо в глаза гостю.

Король Ясень вспрыгнул на коня и натянул поводья:

– Вручу царевне в дар птичку. Сыграем свадьбку, и увезу я её. Радуйся, Радосвет. Скоро кончатся твои муки. В свой срок взойдёшь на трон, если получится. Отец твой однажды деда сместил, а дед – прадеда. Может, и ты сдюжишь.

– Этого я уж точно делать не стану! – Радосвета трясло. Он хотел верить, что пришлый чужак врёт, но сердце подсказывало – нет, такие лгать не умеют.

– А коли не станешь, то не видать тебе трона, как своих острых ушей без зеркала. Такие сволочи, как твой отец, живут долго, – пожал плечами всадник. – Он пришпорил коня, тот заржал – и вдруг исчез с глаз долой.

Не помня себя, Радосвет бросился к Ясинке, заколотил в дверь и закричал что есть мочи:

– Спасайся, сестра! Скоро приедет страшный заморский король и заберёт тебя в Страну-Где-Не-Спят! Споймал он твою птицу и попросил ясень развести ветви в стороны. Выполнены оба твоих условия.

Но сестра ему не открыла, только рассмеялась из-за двери:

– Так я тебе и поверила! Небось, придумал каверзу и хочешь меня выманить.

Радосвет никогда так не делал, но Ясинка, конечно, судила по себе.

Наутро, когда всё случилось именно так, как говорил Радосвет, она не изменилась в лице, лишь слегка побледнела, когда гость предъявил клетку с птицей. А после молвила:

– Батюшка, за этого не пойду! Слишком уж он тощий. Если муж на жердь похож, то детишки народятся – ну чисто хворостинки будут.

– Смеёшься надо мной, царевна? – нахмурился король Ясень. – Смотри, как бы потом не пришлось горько плакать.

– Уж лучше поплачу, чем за Короля-Жердяя замуж пойду, – Ясинка показала жемчужные зубы.

– Что ж, будь по-твоему, – гость накрыл Птицу-Справедливость платком, сунул клетку под мышку и направился к выходу.

Проходя мимо царевича Радосвета, он наклонился и прошептал:

– Теперь яиц в гнезде на одно больше стало. Вот увидишь: все птенцы вылупятся в свой срок.

А Ясинка с тех пор больше не смеялась. Уж и шутками её развлекали, и скоморохов приглашали – ни в какую. Уехал король Ясень и увёз с собой царевнину радость.

Прочие женихи тоже домой засобирались – надоело им смотреть на вечно постную рожу Ясинки, других невест себе нашли – весёлых, добрых, таких, что данное слово держат.

Радосвет думал, что теперь ему ещё хуже будет Пуще прежнего станет сестра его изводить. Но нет, Ясинке стало не до того. Ей самой такие кошмары начали по ночам сниться, что и лютому врагу не пожелаешь. С криком вскакивала, тряслась, засыпать боялась и только твердила, едва шевеля бледными губами:

– Батюшка, матушка, найдите короля Ясеня, скажите ему, что одумалась я. Пойду за него замуж. Пущай только мучить меня перестанет.

Заморского гостя, конечно, искали, но не нашли – тот словно в воду канул. Пришлось царевне надевать дорожное платье, седлать коня и самой отправляться на поиски.

Уезжая, Ясинка велела себя не провожать. Но Радосвет всё равно смотрел ей вслед из окна и думал: если это и есть справедливость, то почему же от неё на душе так горько, будто полынной настойки хлебнул? И неужели нельзя жить так, чтобы в царской семье были лад да любовь? Тогда-то он и дал себе слово, что у него – когда он вырастет и однажды решит жениться, – всё будет иначе. Жаль, нельзя было заглянуть в то гнездо и убедиться, что пташка не отложила нового яйца, когда он произнёс это обещание вслух.

А старый яшень задумчиво шелестел листвою, как будто был тут совершенно ни при чём...

Тот самый день

Радосвет понял, что заклятие опять подействовало как-то не так, когда земля с небом несколько раз поменялись местами, к горлу подступила тошнота, а потом – бах! – из груди будто бы выбили весь воздух...

Эх, ну почему учебные чары всегда получались нормально, а в настоящих все опять пошло наперекосяк?

Царевич сел, потер свеженабитую шишку на затылке и огляделся. Над его головой шелестели листья вяза, сплошь увитого диким виноградом. Сочные длинные лозы переползали и дальше – на большие, выше человеческого роста, коробки, сделанные из металла. Кажется, кто-то из путешественников между мирами, описывая это место, упоминал про некие «гаражи»? Интересно, что это вообще такое?

Радосвет встал, расправил плечи и поморщился от боли – ох, кажется, он здорово приложился спиной о раздвоенный ствол. Ладно, по крайней мере, ему удалось миновать Границу и оказаться в таинственной стране смертных – а значит, все уже было не зря. Его давняя заветная мечта сбылась! Оставалось надеяться, что новое приключение не окажется столь же разочаровывающим, как то, детское, когда он решил полюбоваться зимой в Навьем царстве. В тот день заклятие перемещения тоже сработало не слишком точно, и маленький Радосвет едва не угодил в плен к самому Ко-

щею... Впрочем, об этом он вспоминать не любил.

Ныне Кощей был мертв, война закончилась, но ходили слухи, что следующая уже не за горами. Радосвет видел, как его отец, царь Ратибор, становился все мрачнее с каждым днем. А матушка, царица Голуба, так и вовсе каждое утро просыпалась в слезах. Родители привыкли оберегать юного царевича от дурных вестей, однажды ему пришлось даже повысить голос, чтобы добиться от них правды:

– Я уже не ребенок, мне скоро сотня! – В сердцах он ударил кулаком по столу, заставив подпрыгнуть глиняные кружки. – И наследник престола к тому же! Я должен знать, что нас ждет впереди.

Царица Голуба, опустив глаза, пробормотала что-то вроде «как же быстро дети становятся взрослыми» и тронула мужа за рукав расшитого золотом и серебром кафтана. А царь Ратибор вдруг кивнул:

– Твоя правда, Волчонок. Я и не заметил, как ты вырос. Пора тебе научиться быть правителем. Потому что если со мной что-то случится...

Мать бросила на него тревожный взгляд, и он осекся.

– Значит, мир долго не продлится? – Радосвет горестно вздохнул.

Он родился во время войны, можно сказать, даже привык к ней и почти не знал другой жизни. С детства видел слезы вдов, слышал стоны раненых и прятался с другими дворцовыми мальчишками и девочками в подземельях, когда над

столицей пролетали старые Кощеевы приятели змеи горынычи, плюющиеся огнем. Потом прятаться перестал и начал помогать взрослым тушить деревянные терема, которые вспыхивали, как трут, от огненного дыхания чудища...

Когда же Кощея победили, Радосвет еще несколько лет подряд просыпался ночью в холодном поту: ему снилось, что царские палаты охвачены яростным огнем.

Но потом кошмары оставили его, и новая – спокойная – жизнь пошла своим чередом. Царевич всей душой полюбил это время, когда больше не нужно было прятаться и дрожать от страха, слыша над головой свист кожистых крыльев. Но самое главное – никто больше не умирал: дивьи люди не ведали ни болезней, ни старости – в мирные дни они могли жить почти вечно...

– Новая война лишь дело времени. – Царь Ратибор сдвинул кустистые брови к переносице. – Наши соглядатаи донесли, что Кощеев сын Лютогор собирается продолжить дело своего отца, но пока копит силы. Значит, нам тоже следует готовиться...

– В следующий раз я буду биться рядом с тобой!

Радосвет не спрашивал, а утверждал.

Он же наследник! А наследник престола не может быть трусом, отсиживающимся в теремах за чужими спинами, пока остальные сражаются не на жизнь, а на смерть.

Заслышав эти слова, мать побледнела как полотно, но перечить не стала. Лишь молвила тихим голосом:

– Только прошу тебя, сынок, – мечом, а не колдовством...

Царевич вздохнул. Чародей из него и впрямь был не шибко умелый. Многие его сверстники ушли далеко вперед в познании магических искусств, а он все топтался на месте, то и дело ошибаясь в словах заклятий. Но как же ему хотелось преуспеть именно в том, что никак не давалось...

– Ладно, мам, – буркнул он, ковыряя ложкой кашу.

Радосвет легко мог спорить с отцом – даже ссориться, – но расстраивать кроткую мать не смел. Голуба всегда была ранимой, хрупкой, тоненькой, как тростинка, и очень беззащитной. Она до сих пор выглядела девчонкой, так и не скажешь, что двоих детей царю выносила: Радосвета и его старшую сестрицу Ясинку...

Порой царевичу хотелось совершать глупости: убегать в поля и валяться в высокой траве, уставившись в бездонное небо, или скакать галопом на белом жеребце, не разбирая дороги, – без седла и уздечки, далеко за самый окоем. Но еще больше хотелось хоть одним глазком увидеть волшебный мир смертных. В старых книгах говорилось, что в Дивьем царстве можно найти вязовые дупла, которые открываются по Ту Сторону, в Дивнозёрье, где живут люди-искры, чья жизнь сияет ярче, чем пламя костра, но быстротечна, как падающие звезды. Поэтому смертные торопятся жить и за год успевают совершить столько славных деяний, сколько дивий человек не успеет и за десяток лет. Взрослели они тоже быстро. Вот, например, Радосвету скоро исполнялась

сотня, а по меркам смертных это было бы лет шестнадцать, не больше. Время в их мире тоже текло иначе...

Когда царевич размышлял о грядущей войне, прежние страхи возвращались с лихвой. Ночные кошмары снова начали терзать его. Порой он спрашивал себя, что будет делать, если Лютогор победит. И не находил ответа...

Однажды Радосвету приснилось, что столица пала. Отец погиб в бою, а несчастная мать, обезумев от горя, бросилась с Сияющей башни – той, что с зеркальной черепицей, самой высокой в их белокаменном дворце. Подданные же, рыдая, пришли к нему, пали на колени и молвили:

– Теперь ты царь. Спаси нас от неминуемой гибели!

Если бы не этот сон, царевич, может, и не стал бы искать дорогу в волшебный мир смертных. Но хорошему правителю следовало предусмотреть, куда вести людей, если (ему было страшно произнести это даже мысленно) они проиграют войну.

Из сказок каждому дивьему ребенку было известно, что вязовые дупла не только приводят на Ту Сторону, но и позволяют в случае чего вернуться обратно. Но если придется уходить быстро, сколько человек успеют туда протиснуться? Несколько десятков? Может быть, сотня. Но никак не тысячи...

Радосвет не мог ни есть, ни спать, пока вновь не вспомнил заклятие мгновенного перемещения – то самое, что использовал в детстве, когда сдуру отправился в Навь. Ему показав-

лось, что это отличный выход – послать в новый чудный мир всех разом. Но сперва стоило довести заклятие до ума, чтобы не вышло как в прошлый раз.

Он провел несколько опытов перемещения между комнатами дворца, которые счел удачными, и лишь тогда решил – пора!

Написал записку для родителей, запалил нужные травы, сказал заветные слова – и сияющий проход распахнулся перед ним во всей красе, осыпав юного чародея колючими золотыми искрами.

Радосвет с замиранием сердца шагнул вперед – так он и оказался на пустыре возле старого вяза, увитого диким виноградом. Вот только проход за его спиной тут же захлопнулся, а новый не открывался, сколько ни заклинай. Опя-я-ять!

Выходит, пройти сюда толпой не получится: один человек – одна дорога... царевич чуть не плакал: его гениальная затея провалилась с треском. Ох, видать, права была матушка – надо прекращать занятия чародейством, пускай колдуют те, у кого хоть какой-то талант имеется. Не дано – значит, не дано.

Царевич поднял руки (под лопаткой больно хрустнуло – аж до слез) и принялся обрывать лозы дикого винограда в поисках вязового дупла. Не то чтобы он собирался отправиться домой прямо сейчас: ведь, если уж занесла судьба в чудесный край, стоило хотя бы осмотреться. Но делать это было бы намного спокойнее, зная, что он может в любой мо-

мент оказаться дома.

* * *

– Эй, ты что, потерялся?

За его спиной вдруг раздался звонкий девичий голос, и Радосвет вздрогнул от неожиданности. Кого еще там принесло?

Он обернулся и увидел высокую стройную девушку с темными косами. Та была одета очень странно, и царевич слегка покраснел, разглядев ее голые ноги под слишком короткой – всего лишь до колен – юбкой.

– Нет, конечно! – Радосвет поспешно вытер глаза: пускай смертная не думает, что он какой-нибудь плакса. – Я ищу вязовое дупло. Ты не видела?

Девушка шагнула ближе, беззастенчиво разглядывая Радосвета и тем самым смущая его еще больше. Интересно, ей не говорили, что неприлично вот так пялиться на незнакомых парней? Он едва поборол желание закрыть руками лицо: щеки Радосвета с рождения были усеяны частыми веснушками, из-за этого его дразнили «конопатым». Эх, ну почему он не пошел в мать? У той кожа всегда была чистая, будто фарфоровая...

Он шмыгнул носом и разозлился сам на себя за эти дурацкие мысли. Ну и где же его хваленая уверенность? Еще царевич, называется! Нет уж, он не будет стесняться какой-то

там странной девицы, пусть даже из другого мира.

Радосвет расправил плечи, тоже сделал шаг вперед, заглянул в ее полные удивленного любопытства зеленые глаза, — и его вдруг словно ледяной водой окатило.

Девушка что-то спросила, он ответил, не слыша собственных слов из-за громкого стука сердца. Кажется, нес какую-то чушь — но лишь потому, что не мог вспомнить, как дышать.

Мать всегда предупреждала — однажды это случится. Мол, всему волчьему племени на роду написано любить лишь раз и навсегда, а дивья царская семья не зря считалась побратимами белых волков. Еще мать говорила: когда встретишь ту самую — сразу узнаешь. И впору было посмеяться над своим злосчастьем: ну почему его суженая оказалась смертной девицей с Той Стороны? Разве могут быть вместе те, кого разделяет Граница?

Мысли лихорадочно метались в голове, а щеки полыхали огнем. К союзам со смертными в краях, где Радосвет родился и вырос, всегда относились настороженно, если не сказать враждебно. Считалось, что дети, рожденные от такой связи, могут стать великими чародеями, но также несут в себе семена зла. Вот Лютогор, Кощеев сын, как раз был таким полукровкой, и в его случае зло уже дало мощные всходы...

Царевич ущипнул себя за руку. Так, о чем он думает вообще?! Он даже имени этой девицы еще не знает!

А незнакомка все говорила и говорила, но до ушей Радосвета доносились лишь обрывки фраз:

– Знаешь, сколько у нас всего интересного?! Можно пойти в лес за орехами. Или искупаться. Или развести костер и испечь картошку. А Федька нам на гитаре сыграет, если попросим. Про желтую подлодку.

Признаться, царевич, не понял, что такое «гитара» и эта загадочная «подлодка», но на всякий случай изобразил живой интерес (ведь наверняка это было что-то очень волшебное!), а потом, набравшись смелости, выпалил:

– А подаришь мне что-нибудь на память?

Матушка наставляла: в тот самый день, когда встретишь свою нареченную, – сразу же попроси у нее что-нибудь в дар – лучше еще до того, как вы назовете друг другу свои имена. Ежели не откажет – это добрая примета. Значит, быть вам вместе рано или поздно.

Девушка, покопавшись в кармане, достала монету с дырочкой, дыхнула на нее и протерла рукавом.

– Вот, держи. Счастливый! Я с ним алгебру на пять написала.

Монета была немного теплой на ощупь, и Радосвет крепко сжал ее в ладони. Хм... значит, это был оберег от какой-то ужасной «алгебры». В Дивьем царстве о подобных чудовищах и не слыхивали...

– Зачем же ты тогда такую важную вещь мне отдаешь? – настороженно спросил он и просиял, услышав ответ:

– Не беспокойся, у меня второй есть. Точно такой же. Кстати, я Таисья, – она протянула руку. – Но ты можешь

звать меня Тайка, если хочешь.

– Радосвет. – Он осторожно коснулся пальцами ее ладони, не совсем понимая, чего от него хочет эта... Тайка.

Девушка хихикнула:

– Странное у тебя имя! Никогда такого раньше не встречала. И уши такие забавные – острые! Ладно, идем... – Она схватила его руку и потащила за собой – прочь от пустыря.

* * *

Они провели вместе целый день, и Радосвет едва не сошел с ума от восторга – никогда прежде он не видел столько чудес! Запах невиданных цветов кружил голову, а в синей вышине пели птицы, имен которых он не знал. Еще Тайка показала ему волшебных животных: собаку и корову. Про коров царевич даже читал: в сказках говорилось, что они дают молоко. Однажды в детстве отец принес ему попробовать этот загадочный напиток с Той Стороны, и Радосвет до сих пор помнил его чарующий вкус.

Позже к ним присоединился Тайкин приятель Федор с гитарой (это оказался такой музыкальный инструмент, наподобие гуслей), и они до самой темноты пели хором. Спустя пару часов царевич так осмелел, что принялся подпевать громче – в удивительном мире смертных музыка тоже была необычной («Это ж классика “Битлз”», – так сказал Федор, и Радосвет сделал вид, что все понял).

А загадочные иномирные яства! Чего стоила одна печеная картошка. Пальчики оближешь... А черный хлеб! А шоколад! Словами не передать, какая вкуснотища.

Однако, если бы пришлось выбирать, Радосвет легко отказался бы от всех этих лакомств ради одного взгляда прекрасной Таисьи – суженой, что была предназначена ему самой судьбой.

Глядя на нее, он забывал о тревогах, о грядущей войне и даже о долге царского сына – в Дивнозёрье он мог быть обычным мальчишкой: петь, смеяться, делать любые глупости и ни о чем не сожалеть. Жаль, что все это не могло длиться вечно...

Федор хоть и был искусным игроком и скоморохом, но все же мешал. Как говорится, третий лишний. Похоже, музыкант и сам все понял, потому что ушел вскоре после наступления темноты, а Тайка осталась.

Они вместе разглядывали незнакомые чужие звезды на небе, и девица-красавица указывала пальцем на созвездия, называя их по именам, но Радосвету больше нравилось смотреть в ее глаза, потому что те были ярче любых звезд всех миров...

Царевич сжимал в кулаке заветную монету («пятак», так вроде сказала Тайка?) и думал: а что будет, если прямо сейчас обнять нареченную и поцеловать? Обрадуется она или, может, отпрянет, негодуя? Чувства не всегда оказывались взаимны даже у волков. Была ли в ее сердце хотя бы толи-

ка той нежности, что расцветала в груди царевича? Порой ему казалось, что да. Но пока не попробуешь – наверняка не узнаешь, так ведь? А потом еще до конца жизни не простишь себе, коли струсил. Хватит сомнений: он уже не волчонок, а юный волк, достойный сын своего рода. Волки не должны бояться отказов...

Набравшись смелости, Радосвет привлек ее ближе. Сперва коснулся губами прохладного виска – там, где из косы выбивалась тонкая смешная прядка, потом, осмелев, взял за подбородок и развернул лицом к себе.

– Мне кажется, я знал тебя всегда... – шепнул он прежде, чем прижать уста к устам и почувствовать ее ладони на своей спине.

Определенно, этот день стал лучшим в его пока недолгой – всего-то столетней – жизни. Кто бы мог подумать, что одно неудачное заклятие обернется таким безумным, почти невозможным счастьем? Радосвет знал, что спустя долгие годы будет помнить эту ночь – одну на двоих – так же ясно, как будто все случилось вчера.

И ему всей душой хотелось верить, что это только начало пути...

А потом их сморил сон – прямо там, в полях

* * *

На заре Радосвет проснулся первым. Он немного полюбил

вался спящей Тайкой, поправил сползший с ее плеча плед, потом натянул рубаху, нащупал в росной траве свои сапоги и, обувшись, зашагал к лесу.

Всего пару часов назад он был до одури счастлив, но теперь с глаз будто спала пелена и в его голове, словно злые пчелы, роились тревожные мысли. Царевич по-прежнему был готов хоть сейчас идти с любимой под венец. Он знал, что ни отец, ни мать возражать не станут – уж они-то понимали, что такое любить раз и навсегда. Вот только это означало, что ему придется привести невесту в край, где скоро грянет война. Сможет ли она прижиться в самом обычном Дивьем царстве после безмятежного волшебного края? Может, лучше будет ему остаться тут? Тем более, что вязовое дупло он пока не нашел...

Но колдовской лес, похоже, решил посмеяться над чужаком. Стоило только вспомнить про вязовое дупло – как оно и появилось, легкое на помине.

Радосвет сполз спиной по стволу дерева, обхватив голову руками. Может, притвориться, что он ничего не видел? Нет, так поступать нельзя. Он же царевич, наследник, у него тоже есть долг перед страной... Да и разве станет прекрасная Таисья любить труса? Нет, решено – они должны вернуться вместе!

Чудесный пятак в кулаке потеплел, будто бы соглашаясь с его решением. Со всех ног Радосвет бросился обратно: туда, где еще не остыла зола их вечернего костра и где тихим без-

мятежным сном спала его единственная любовь.

Царевич волновался зря: на предложение руки и сердца Таисья согласилась с радостью – наверное, тоже почувствовала их связь. Но Радосвет так и не смог ей признаться, что по ту сторону вязового дупла их ждет не только супружеское счастье, но и горести долгих военных лет. Просто язык не повернулся сказать всю правду...

* * *

Наверное, за это он и поплатился. Проклятое дупло легко открылось для Радосвета, а вот Таисью не выпустило. Она осталась с Той Стороны одна: обиженная, брошенная... Царевич обернулся, но сильный порыв ветра толкнул его в спину, и он, на свою беду, не успел ухватиться за Тайкину ладонь. Все было напрасно: судьба свела их и, словно смеясь, опять развела в стороны. Уж он и кричал, и звал, а потом по-волчьи выл, разбивая кулаки о кору старого дерева.

Оставалось последнее средство: с трудом вспомнив слова заклęcia, Радосвет попытался снова открыть сияющий проход – пусть даже без верных трав, – но тут его схватили за руки. Царевич яростно дернулся, силясь стряхнуть обидчиков, те охнули, но удержали.

– Тише-тише, родной мой, – над ухом раздался встревоженный голос мамы, и лишь тогда царевич поднял воспаленные глаза.

Царица Голуба порывисто обняла его, уткнувшись лицом в плечо. Ее руки тряслись, а рубаха Радосвета вмиг намокла от материнских слез.

– Уже и не чаяла... – всхлипнула она. – Мы с ног сбились, тебя разыскивая. А ты... был в Дивнозёрье, да?

Отпираться было бессмысленно, и Радосвет кивнул:

– Мам, я там кое-кого встретил. Она чудесная, просто самая лучшая на свете! Знаешь, мы...

Но мать, не дослушав, приложила палец к его губам:

– Прости, дорогой, сейчас не время для свадеб. Сегодня ночью Лютогор перешел границу. Твой отец уже созывает войска.

Царевич, как ни старался, все-таки не смог сдержать разочарованного взгласа.

Неужели это к лучшему, что Таисья осталась на Той Стороне? Пожалуй, да... Судьба решила, что лучше быть в вечной разлуке с любимой, чем привести ее прямо в объятия войны. Нет, лучше пусть живет в своем безмятежном мире. А место Радосвета, конечно, было здесь, плечом к плечу с отцом и его дружиной, с мечом в руках.

– Век смертных так недолог... – Эти слова дались царевичу с трудом: казалось, будто каждое из них было пропитано полынной отравой. – Увидимся ли мы еще когда-нибудь? Я не знаю, смогу ли жить, когда оставил сердце по ту сторону вязового дупла...

– В Дивнозёрье время идет быстрее, – мать взъерошила

его светлые волосы, утешая. – Может статься, что здесь пройдет всего несколько месяцев, а она уже состарится. Но не кручинься, я попробую помочь твоему горю. Вы сможете видаться во снах – это лучше, чем ничего. Надо будет только добыть одну редкую вещицу – навье зеркало. У нас, увы, таких не делают...

– Я добуду! Даже если ради этого потребуется выпотрошить самого Лютогора! – Радосвет до хруста сжал кулаки.

Царица Голуба поцеловала сына сначала в одну щеку, потом в другую:

– Вот тебе мое материнское благословение. И запомни: если любящим сердцам суждено быть вместе, никто не разлучит их – даже сама судьба. Просто верь, что счастье еще ждет вас впереди. Только уберегись на войне, не геройствуй почем зря.

– Дай мне прядь своих волос на добрую удачу. – Радосвет украдкой вытер уголки глаз.

Время слез миновало. Ему нужно было научиться быть сильным.

* * *

Уже будучи в своих покоях, он сплел из золотистых волос царицы Голубы крепкий шнурок, продернул его сквозь дырочку и повесил на грудь счастливый Таисьин пятак. Потом надел кольчугу, опоясался мечом и вышел во двор – туда,

где громко ржали ретивые кони, а молодые воины бряцали оружием, – навстречу своей судьбе.

Юному белому волчонку настало время превратиться в матерого волка.

Заклинание от страха

К ночи разыгралась буря. Дождь лил как из ведра, ветки стучали в окно. Таисья долго не могла заснуть этой ночью: всё прислушивалась к вою ветра и скрипу половиц. С каждым раскатом грома её сердце сжималось от дурного предчувствия. Казалось, что вот-вот случится что-то очень плохое...

Вдруг тёмная тень отделилась от стены и медленно направилась к её кровати. Таисья вцепилась в одеяло до боли в костяшках. Хотела закричать, но из горла не вырвалось ни звука. Она не могла вспомнить ни одного заклинания, чтобы противостоять страху. Руки и ноги налились свинцовой тяжестью, её будто бы придавило каменной плитой.

– Должно быть, я сплю, – решила Таисья. – Это очередной кошмарный сон...

Мысль оказалась спасительной. Наваждение вмиг развеялось, тёмная фигура обрела знакомые черты.

– Ох, Радосвет, это ты? – она с облегчением выдохнула.

Хотела добавить ещё «Нельзя же так пугать», но прикусила язык. Её жених наверняка не имел такого намерения. Это просто гроза. И глупое сердце, которое от любого шороха дрожит, как мышинный хвост.

– Ну а кто же ещё? – удивился Радосвет. – Обещал тебе присниться – вот, снюсь. Прости, что давно не появлялся, но

государственные дела сами себя не сделают.

– Понимаю. У вас ведь война... тут не до свиданий, – Таисья наконец смогла разжать руки и выпустить одеяло.

Радосвет присел на край кровати и нахмурился.

– Что-то ты грустная какая-то. Али не рада меня видеть?

– Нет, что ты! Я очень соскучилась. Просто... мне неловко признаваться, но...

– Тебе опять снились кошмары, – догадался Радосвет.

И тут Таисью словно прорвало. Всё, что она долгое время держала в себе, выплеснулось:

– Я так боюсь за тебя, родной мой! Всё время жду дурных вестей, уже не понимаю, где сон, а где явь. Страшно, что однажды ты перестанешь приходить, а я даже не узнаю, что с тобой случилось. Когда от тебя долго нет вестей, я начинаю гадать: а вдруг мой любимый уже пал в бою? А вдруг его взяли в плен? Думаю об этом днём, а ночами такие сны снятся – врагу не пожелаешь. То не успеваю тебя спасти. То иду по полю брани, ищу тебя среди мёртвых тел. И нахожу... Может, это твоя злая сестра опять над нами потешается?

Радосвет с сомнением покачал головой.

– Нет, Ясинка обычно не возвращается туда, откуда её однажды прогнали. Но я понимаю, о чём ты говоришь. Когда я был отроком, меня она тоже донимала – пугала ночными шорохами, шумом ветра, грозой и страшными тенями за окном. Сколько раз я просыпался в холодном поту, прятался в одеяло, чтобы даже пятка наружу не высунулась, – не счесть.

И даже пожаловаться никому не мог: ведь царевич должен быть смелым, чтобы другим пример подавать. Потом Ясинка ушла из дворца, а кошмары остались. Потому что, когда страхи крепко поселились в душе, их больше не нужно насылать. Они уже знают дорожку и приходят сами.

За окном сверкнуло и почти одновременно бахнуло так, что задрожали стёкла. Таисья невольно вскрикнула. Радосвет привлёк её к себе и обнял.

– Тише-тише, родная. Это просто буря.

– Ты такой смелый, – всхлипнула Таисья. – Как тебе удалось избавиться от наваждений?

– Я от них не избавился.

– Хочешь сказать, ты до сих пор боишься?

– Конечно, все чего-то боятся. Даже самые смелые. И это вовсе не стыдно. – Радосвет гладил её по спине и говорил тихим ласковым голосом, успокаивая: – Прежде я думал, что вырасту, и кошмары сами собой исчезнут. Но потом понял, что они растут вместе со мной... Тот, кто говорит, что ничего не боится, либо лжёт себе и другим, либо глуп. Но это не значит, что со страхом нельзя бороться.

– Эх, хотела бы я стать посмелее, – Таисья закусила губу.

– Я тебя научу. Когда страшно – пой. В полный голос или тихонечко – не важно. Ночные кошмары боятся песен.

– Колдовских или самых обычных?

– Любая песня сама по себе заклинание, посильнее многих. Думаешь, почему во все времена поэтов и сказителей

так уважали?

Надежда вспыхнула ярким огоньком, но тут же погасла.

– Но я и петь-то не умею... – Таисья опустила голову.

В комнате как будто бы стало темнее. Особенно в дальнем углу.

– А ты нешто немая? – усмехнулся Радосвет.

– Ну что ты глупые вопросы задаёшь? Нет, конечно!

– Коли голос есть – значит, сможешь. Пой так, будто никто не слышит, главное – искренне, от всей души. Вот увидишь: тьма отступит, и на сердце станет светлее.

Такое простое объяснение не приходило Таисье в голову. Ей-то всегда говорили: «Не умеешь – не берись». Или: «Не можешь сделать хорошо – лучше не делай вовсе». И повторяли это так часто, что она поверила.

– Знаешь, порой для того, чтобы запеть, тоже надо набраться немалой смелости, – вздохнула она. – Но я справлюсь, обещаю. А пока... может быть, ты мне что-нибудь споёшь? Что ты пел, когда разгонял свои страхи?

– Ладно... есть одна песня. Её принесли сказители из дальних земель. Моя любимая. Слушай.

Радосвет прикрыл глаза и тихонько завёл мелодию. Голос у него был не сильный, но приятный. А для Таисьи так и вообще самый лучший на свете. Потому что никто не споёт лучше любимого.

На вечерней заре диво дивное может случиться:

*Из чащобы лесной белоснежная выйдет волчица.
Разбежавшись, взлетит под восторженный вой волчьих
песен —
У неё на спине едет рыжий улыбчивый месяц.*

*Он пока ещё юн и не знает дороги к рассвету,
А волчица спешит, потому что кончается лето.
Ей так нужно успеть, сделав круг над верхушками сосен,
Отнести седока в час урочный на станцию Осень.*

Месяц шепчет:

*«Скажи, я смогу до того, как состарюсь,
Принести в этот мир безмятежность, удачу и радость?
Я покончить хочу со страданием, войнами, злобой...»*

Отвечает она:

«Вряд ли, друг. Но ты всё же попробуй.

*Или просто сияй до тех пор, пока весь не исчезнешь,
И надежду дари, чтобы мрак расступился крошечный.
На крутом вираже не свались — и достаточно будет.
Остальное потом без тебя сами сделают люди».*

Удивляется месяц:

«Но люди слабы и бескрылы.

*Разве могут они сделать то, что и нам не под силу?
Чем утешится тот, кто напрасно сражался и сгинул?»
«Он потом, как и ты, в новолунье мне сядет на спину,*

Чтоб светить каждый день в зной и слякоть, в любую

погоду,

Для других смельчаков разжигая огонь путеводный.

Не бывает дорог, рубежей и историй напрасных —

И, наверное, в этом и есть настоящее счастье».

Песня закончилась, но Таисья ещё некоторое время молчала, боясь нарушить тишину. Впервые за многие дни на душе стало светло и спокойно. Теперь она знала, что в тёмном углу никто не прячется, а буря – это просто буря. Пусть себе громыхает.

– Мне кажется, я слышала эту песню прежде, – наконец прошептала она. – Вот только слова подзабыла, а теперь вдруг вспомнила. Разве может так быть, чтобы одни и те же песни в разных мирах пелись?

– Конечно, может. Песни – они как птицы, летают везде, и никакие границы им неведомы. Запомни, родная: смел не тот, кто ничего не боится, а тот, кто сражается со страхами и побеждает их. Когда-нибудь в час невзгод и ты для меня споёшь, чтобы подбодрить и утешить.

– Обязательно. И дочке нашей теперь тоже петь буду. Ты только береги себя, Радосвет. И пусть эта война поскорее закончится.

Таисья подтянула одеяло так, чтобы накрыть их обоих. Ей казалось, что в этом коконе её любимый будет под защитой. И ничего с ним не случится. Она не позволит! Ведьма она или кто?

Радосвет сплёл её пальцы со своими.

– Ни одна война не может длиться вечно, кроме той, что внутри нас самих. Но знай: что бы ни случилось, я всегда буду рядом с тобой, даже когда далеко.

Таисья обняла его в ответ крепко-крепко:

– Знаю, родной. И я тоже. Ведь мы с тобой друг другу не просто жених и невеста, но ещё и самое верное заклинание от страха.

Не для тебя цветочек рос

Каждый год на Ивана Купалу Таисья ходила в лес искать цветок папоротника – тот, что по поверью, исполняет самые заветные желания. Вся деревня над ней смеялась: мол, глупая баба, самой за тридцать уже – а ума как у малолетки! Ну кто же в таком возрасте в сказки верит? Ладно еще, когда девчонкой была, в короткой юбчонке по лесам скакала, как коза, – в юности-то всем чудес подавай. Но теперь-то чего? Пора бы уже оставить эти глупости!

Так ей мать говорила, но Таисья ее не слушала, отмахивалась. Вот отцу, может, не посмела бы перечить, но тот рано умер, поэтому не увидел ее «позора». Таисья ведь девчоночку родила без мужа – ох, тогда все Дивнозёрье перемывало ей косточки. Все гадали: кто ж папка-то? Может, Федька, соседский шалопай? Или заезжий парень из города?

Таисья на все вопросы только отмалчивалась, а когда начинали слишком доставать – огрызалась и убегала в лес – успокоиться, травки пособирать. За то и прослыла ведьмой.

– Ох, Тасенька, в кого же ты у меня такая непутевая? – Мать повторяла это каждый день. – И доньку такую же непутевую родила. Отмахивается от бабки, в город убежать хочет, будто бы там ей медом намазано. Ты-то у меня в город не собираешься, а?

– Что ты, мам, – отзывалась Таисья. – Мне и тут хорошо.

– Хорошо ей, как же! – ворчала мать, помешивая так и норовящую убежать овсяную кашу. – Соседи вслед плюются, за глаза вертихвосткой кличут гулящей.

– За спиной пускай что угодно болтают, а в лицо меня больше оскорблять не посмеют. Испугаются. Я же ведьма, помнишь?

– Да какая ты ведьма, смех один! Эх, была бы я построже, так бы и огрела тебя половником! Да поздно, раньше надо было воспитывать...

Таисья подошла к матери и обняла ее сзади за плечи:

– Не волнуйся, мам. Все будет хорошо. Вот увидишь, найду папоротников цвет – и заживем тогда как в сказке...

– Вот то-то и оно, сказки сплошные у тебя в голове. А Анька твоя совсем от рук отбилась, дерзит мне, грядки полоть не хочет. Поговорила бы ты с ней, а?

– Угу... – Таисья ее уже не слушала. Ну не могла она думать о делах в такое время!

Сегодня наступала вершина лета – самая короткая ночь и самый длинный день. А это значило, что волшебный папоротник где-то в лесу уже выпустил бутон, который раскроется с наступлением темноты, засияет огненными лепестками, запыхает жаром, суля настоящее счастье...

Это все неправда, что после тридцати нужно позабыть о чудесах и жить обычной жизнью. Нет такого закона! Настоящее волшебство никуда не уходит – люди сами себя обделяют зачем-то, становятся скучными взрослыми, не способными

ми замечать то, что радовало в детстве. А вот Таисья ничего не забыла. Когда ей было всего шестнадцать, она встретила на пустыре у оврага дивьего мальчика по имени Радосвет – примерно своего ровесника. Они полюбили друг друга с первого взгляда так сильно, как бывает только в сказках. Ну ладно, может, не с первого, а со второго, но эта любовь была самая настоящая, от которой в душе расцветают цветы, голова кружится, а дыхание перехватывает от восторга. Знаете такое чувство? Вот то-то!

Так что деревенские могли сколько угодно гадать, кто же настоящий отец маленькой Аннушки, но ни за что бы не поверили, что он – из Волшебной станы. Один Федька поверил. Он вообще был хорошим другом, всегда помогал Таисье, даже малую нянчил, пока работать в город не уехал. Но они все равно часто созванивались, рассказывали друг другу о жизни, а Федька все повторял:

– Да плюнь ты на своего кавалера ушастого, Тайка-зайка, дивья невеста! Не вернется он. Знаешь, как у нас говорят: поматросил – и бросил. А Аньке отец нужен...

– Да кто ж на мне такой женится? – шутя, отмахивалась Таисья. – С чужим ребенком-то.

– Ну вот я бы, между прочим, женился, – однажды сказал Федька и надолго замолчал.

Таисья не нашлась, что ответить. Затаив дыхание, она слушала шорохи и потрескивание в трубке, пока телефон-автомат не подал сигнал, что время разговора на исходе. Но

она не стала докладывать новую монетку. Что-то щелкнуло, и их разъединили. Послышались короткие гудки. Эх, Федька, Федька...

Таисья, конечно, подозревала, что друг детства неровно к ней дышит. Поэтому никогда и не рассказывала, что Радосвет на самом деле ее не бросал. Просто нельзя ему было теперь в мире людей показываться. Ведь там, у себя в Дивьем царстве, он правителем стал. Но влюбленные все равно виделись – во снах. Почти каждую ночь они вдвоем гуляли по дорогам сновидений, любовались туманами в вечно-зеленых низинах и многочисленными радугами в небе, кормили с рук чудесных птиц, целовались под цветущими яблонями и горько плакали, когда с рассветом наступала пора расстаться. Еще Радосвет учил Таисью колдовству – ведь сам был колдуном хоть куда! Жаль только, что Аннушке он почему-то присниться не мог: хотя пытался и так и сяк – очень уж хотел дочку увидеть! Теперь понимаете, зачем Таисья каждый год искала цветок папоротника, исполняющий любые желания? Это был ее единственный шанс на воссоединение с любимым...

А Федька, кстати, все и сам понял. Отчаялся ждать. Нашел себе вскоре городскую красотку Валю да и женился на ней. Таисья на свадьбу не приехала – решила, нечего жениха с невестой смущать, но открытку отправила. И подарочек не забыла – прислала оберегов на счастье и крепкое супружество. Те сработали на ура: уже следующим летом у Федьки

с Вале́й девочки-близняшки родились и зажили они вчетвером душа в душу.

Папоротников цвет же Таисье никак не давался. В иные годы он будто и вовсе не расцветал – то от засухи, то, наоборот, от затяжных дождей. А пару раз его успевали сорвать еще до того, как запыхавшаяся Таисья – босиком и в разорванной о кусты дикого шиповника юбке – прибежала на заветную полянку. Не в силах унять обиду, она падала ничком в траву и рыдала, обняв жалкий обломок волшебного стебелька. Но – честное слово – никогда не желала зла тем, кто раньше нее успел найти свое счастье. Потому что знала: папоротников цвет дается в руки лишь тому, кому был предназначен судьбой. А если она не успела, что ж – значит, не для нее этот цветочек рос...

Сегодняшней ночью она подготовилась получше: изготовила новые обереги от лесной нечисти, которая любит водить путников за нос, умыла глаза вечерней росой с заговором, чтобы лучше видеть незримое, распустила густые черные косы.

До поля Таисья дошла в старых разношенных кедах, но сняла их на опушке, чтобы ступить под сень леса уже босыми ногами. Войдя, она поздоровалась с лесными духами и оставила под старой елью угощение: немного молока и хлеб, который утром испекла сама. Оставалось надеяться, что в этот раз ей наконец-то повезет...

Самая светлая ночь в году неожиданно оказалась темной. Последние сполохи заката уже отгорели, небо подзатянуло, и луна совсем не спешила показываться сквозь пелену облаков. Таисья сочла это хорошим знаком: ведь в прошлые – неудачные – ночи в лесу было светло почти как днем. Глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть к темноте, но вскоре она начала различать и силуэты деревьев, и кусты, и даже исхоженные грибниками тропинки. Впрочем, вскоре ей пришлось свернуть и углубиться в чащу – ведь на дорожках, куда ступала нога человека, папоротников цвет ни за что не вырастет – он тишину и уединение любит.

Лес, казалось, жил собственной жизнью. Ветер скрипел старыми деревьями, в траве мерцали светлячки, неподалеку что-то ухало, посвистывало, чавкало, трещало сучьями, а порой и завывало так, что сердце заходило от ужаса, а на висках выступал холодный пот. Таисье не раз хотелось закричать в голос и опрометью броситься назад, в деревню, но она, стиснув зубы, шла дальше, потому что знала, на что идет. Да, колдовская ночь в лесу была полна таких опасностей, которые обычным людям и не снились. Но любовь к Радосвету придавала ей силы духа – и непрошенный страх отступал прочь...

Вдалеке между стволами деревьев вдруг блеснул огонек,

и Таисье пришлось приложить руку к сердцу, чтобы то не выпрыгнуло из груди. Казалось, его частый стук отдавался в ушах тысячей барабанов. Того и гляди, вся нечисть в округе услышит и сбежится на звук...

Таисья бросилась за огоньком. Несколько раз она спотыкалась и падала, сбивая ступни о древесные корни. Снова порвала юбку, когда перелезала через бурелом, вся перемазалась в глине, понацепляла в волосы репьев. Когда же над головой громко ухнула сова – она невольно вскрикнула. От небывалого душевного напряжения слезы градом покатились по ее щекам, но рыдала Таисья беззвучно и все думала: только бы успеть! Пожалуйста, пусть в этот раз повезет ей, а не кому-нибудь еще! Может, все-таки для них с Радосветом этот цветочек рос?

Прихрамывая, Таисья выбежала на поляну, сплошь поросшую папоротником, и обомлела – ведьминское чутье не подвело: лесной огонек не был обманкой, ведущей к верной гибели. Она нашла то, что искала! Удивительной красоты цветок переливался так, будто был сделан из чистого золота и света, а еще будто бы немного из меда. Его чудесные лепестки искрились, порой выбрасывая в ночь пламенные протуберанцы. От яркого волшебного сияния Таисья в первый миг ослепла, а когда проморгалась, испустила возглас, полный отчаяния: рядом с цветком виднелся чей-то темный силуэт. Вроде бы девичий.

– Эй! – Таисья скрипнула зубами. – Не смей его рвать,

слышишь! Он – мой!

Девушка обернулась. Сияние папоротникова цвета высветило в ночи ее белозубую улыбку, толстые золотистые с отливом в рыжину косы и ясные глаза – такие же ярко-зеленые, как и у самой Таисьи. Но удивительнее всего выглядело платье незнакомки: тяжелое, длинное, оно было словно сплетено из стебельков полевых трав и невянущих цветов. Поясом служил крепкий побег выюнка, голову украшал венок из ромашек, васильков и маков, а в ушах покачивались серьги из желудей и дубовых листьев. Кончиков ушей видно не было, но Таисья ничуть не удивилась бы, если бы те оказались острыми, как и у ее любимого Радосвета. Незнакомка была не слишком-то похожа на человека.

– А что ты мне сделаешь, ежели сорву? – Вредная девушка расхохоталась, уперев руки в бока.

Впрочем, наклоняться к цветку она не спешила, и Таисья, подумав, что, может быть, еще не все потеряно, рванула вперед. Когда она была уже почти у цели, таинственная насмешница заступила ей путь.

– Не торопись. Мне этот цветок и даром не сдался. А вот нужен ли он тебе, сама решай...

– Конечно, нужен! – Таисья выпрямила спину. В ее душе затеплилась надежда. – Заклинаю тебя, умоляю, прошу – кем бы ты ни была, отойди с пути. Я столько лет искала свое счастье! Теперь уж ему от меня не ускользнуть.

Девушка пожала плечами:

– Твоя правда, Таисья, – этот цветок действительно вырос для тебя. Ведь папоротник расцветает раз в году не просто так, а только когда человек с душой сильной и доброй отчаянно желает счастья. Но у каждой красивой мечты имеется изнанка, и то, что одному – счастье, другому оборачивается злой бедой. Хочешь, покажу, что будет, ежели ты сегодня сорвешь его?

Она уперла свой палец Таисье прямо в ямку между ключиц и ласково попросила:

– Закрой глаза, ведьма.

И Таисья послушалась. Перед внутренним взором замелькали картинки – словно обрывки старой киноленты, зазвучали знакомые голоса... Вот, хватаясь за сердце, сползла по стене старая мать, узнав о пропаже дочери. Аннушка не уехала в город поступать в училище после девятого класса, как всегда мечтала, а осталась ухаживать за парализованной бабушкой. Ни образования, ни семьи, ни друзей – какое уж тут счастье? Не спиться бы...

Зато в Дивьем царстве поначалу все было радужно: царь Радосвет не чаял души в своей милой невесте, они сыграли свадьбу – но не пышную, о какой всегда мечтала Таисья, а очень-очень скромную. Потому что во время войны с Навью – царством Кошечевым – всем было не до веселья. Но бог с ней, со свадьбой – хуже было другое: обретя молодую жену, царь Радосвет сделался уязвимым. За нее стал бояться пуще, чем за себя. О своей безопасности и думать забыл и однажды

закрыл царицу собой, спасая от вражеского заклятия, и упал ей под ноги, заливая кровью белую рубаху. Погиб ли, нет – этого Таисья разглядеть не успела, потому что вскрикнула в ужасе – и картинка померкла.

– Насмотрелась?

Девушка участливо наклонилась к ней, но Таисья грубо оттолкнула незнакомку:

– Да кто ты вообще такая? – Голос предательски дрогнул, от горечи в рту перехватило дыхание. – И почему я должна тебе верить? Вдруг это все – ложь?

– Меня зовут Мара Моревна. Можешь верить, можешь нет, а только я читаю судьбу, как иные листают книги. И не только твою – судьбы всех людей. Особенно тех, кто приходит за цветком папоротника. Можешь сорвать его прямо сейчас – я препятствовать не стану. Просто подумай – готова ли ты заплатить за свое счастье такую цену?

Таисья решительно отодвинула девушку в сторону, присела на корточки перед цветком, развела руками широкие листья папоротника, потянулась к стеблю, обхватила его пальцами и... не осмелилась надломить. А вдруг все правда?

Конечно, она хотела бы стать царицей. Но не ценой счастья своей матери и дочери. И не ценой жизни любимого Радосвета. Тем более, что с его смертью ей и жить-то дальше будет незачем... Со вздохом – почти что стоном – Таисья выпустила упругий стебель, встала и отвернулась. Ее плечи тряслись, ноги подкашивались, но она все-таки нашла в себе

силы не упасть в траву. Много невзгод выпало на ее долю – все она стерпела. Значит, и эту стерпит.

На плечо Таисьи вдруг легла легкая рука, и она вздрогнула, потому что, поглощенная своим горем, уже успела забыть о Маре Моревне.

– Поплачь, если хочется, – разрешила ей та великодушно. – Все лучше, чем в себе боль держать. А там, глядишь, и полегчает. Светает уже, облака рассеиваются. Смотри, это там, на небе, переписывают твою судьбу. Прямо сейчас плетутся новые нити, затягиваются крепкие узелки... Не кручинься, Таисья. Знаешь, что дальше будет? Увидитесь вы еще со своим Радосветом. Не сейчас. Но ниточки ваших судеб уже никому расплести не под силу. Ваша встреча случится не рано, не поздно – а когда придёт время.

– Значит, беды не случится? – Таисья, не оборачиваясь, всхлипнула и принялась тайком вытирать слезы. – Мама не заболит? Аннушка не останется одинокой? Теперь все будет хорошо?

Мара Моревна цокнула языком, что, должно быть, означало сомнение.

– Все хорошо быть не может. Жизнь прожить – не поле перейти. Случатся радости – будут и невзгоды. Главное, чтобы совесть была чиста.

Таисья вскинула подбородок, резко развернулась и... позабыла, что хотела сказать. На поляне уже никого не было. Цветок папоротника угас на ее глазах, словно уголек, бро-

шенный в воду. А над просыпающимся, шумящим, чирикающим и поющим лесом вставало солнце нового дня. И от его золотого, будто подернутого дымкой света ее душа исполнилась новой надеждой – что все еще будет! Не хорошо, не плохо, а правильно – так, как надо.

Дом для домового

Говорят, когда ты окажешься в действительно своём доме, то непременно это почувствуешь и захочешь там остаться. У всех приятелей Никифора всё именно так и вышло – они уже остепенились, осели, многие даже завели семьи, и только он – непутёвый – всё мотался из одних гостей в другие с балалайкой под мышкой и твёрдым калачом за пазухой. Ни кола, ни двора – никому не нужен, зато и терять нечего. Чем не жизнь?

Другие домовые говорили ему, снисходительно улыбаясь в усы:

– Не спеши, дружок, ещё успеешь хозяйством обзавестись. Гуляй, паря, пока гуляется.

Но шли годы, а родной дом всё не находился. И вскоре бывшие друзья стали ему пенять, мол, пора бы уже и за ум браться – смотри-ка, вон борода-то уже седая!

Никифор даже пробовал устроиться уже хоть где-нибудь: присмотрелся к хозяевам одной избушки, сделал себе лежанку в самом тёплом месте за печкой, даже с царапучим котом подружился – только всё это было без толку. Если дом не твой родненький, всё будет из рук валиться, а дело на лад не пойдёт.

В общем, годик-другой он так пожил, а потом у той избушки настоящий домовый сыскался: тот, кому там судьбой

было назначено жить, — пришлось собирать вещички, прощаться с котом и уходить восвояси.

После нескольких таких попыток Никифор окончательно уверился, что места, где он бы чувствовал себя хозяином, не существует вовсе. Такое с домовыми изредка, но случалось. Может, не построили ещё тот самый, родной уголок?

Тогда он решил, что уж лучше жить одному, чем где попало и с кем попало, задружился с лесовиками и каждое лето проводил в берёзовой роще, а на зиму переезжал к баннику Серафиму — тот всегда был рад весёлой компании. Так и жил, словно перекаати-поле, пока однажды не встретил... впрочем, давайте обо всём по порядку!

* * *

В погожий летний день Никифор сидел на своей любимой полянке в рощице. С утра он собирал грибы, чтобы засушить запасов на зиму, и к обеду сильно притомился, поэтому решил присесть на поваленную сосну — от-дохнуть.

Бездомный домовый снял лапти, размотал портянки и поставил на мягкую травку усталые пятки. Повсюду, куда хватало глаз, буйно цвёл иван-чай, над поляной жужжали пчёлы, на небе не было ни облачка, и вскоре Никифора так разморило на солнце, что он не сразу заметил, когда на поляне появилась женщина лет тридцати пяти-сорока с толстыми чёрными косами.

«Тоже, небось, по грибы пошла», – подумал Никифор. Но, присмотревшись, понял, что ошибся: при ней даже корзинки не было. Впрочем, какое его дело, кто и зачем в лес шагает? Не его это вотчина. А его люди всё равно не видят, ежели сам не захочет показаться – на этот счёт можно было не беспокоиться.

– Здравствуй, дедушко, – женщина наклонила голову в приветствии, и домовый заозирался по сторонам.

Кроме них двоих на поляне никого не было. Ну дела!

– Это ты... мне? – с опаской уточнил он (спокойствие, только спокойствие, если она его не видит, то и не услышит).

– А кому же ещё, – незнакомка улыбнулась. – Слыхала я, будто в лесу живёт бездомный домовый. Это ты и есть?

– Допустим, – Никифор на всякий случай надел лапти – мало ли, вдруг придётся ноги уносить. – А ты сама-то чьих будешь? Ведьма, что ль?

– Допустим, – передразнила его женщина. – Таисьей меня кличут.

– А, так я слышал о тебе, – домовый с облегчением выдохнул. О Таисье ему рассказывали и лесовики, и домовые, и даже банник Серафим. Все сходились во мнении, что местная хранительница баба хоть и добрая, но строгая – у такой не забалуешь: следит, чтобы в Дивнозёрье всё было честь по чести. – Что тебе надобно, хранительница? Неужто и ты пришла уговаривать меня остепениться?

– Больно надо, – хмыкнула Таисья, перекидывая за спи-

ну тяжёлые косы. – Со своей жизнью ты уж как-нибудь сам справляйся, а будет нужна помощь – приходи, подсоблю, чем смогу, но, куда не просили, не полезу. Есть у меня просьба одна. Выслушаешь?

– Отчего ж не выслушать! – Никифор, улыбаясь, огладил бороду. Внимание самой ведьмы-хранительницы ему льстило. – Чем могу служить?

– Да как бы это сказать... по основному твоему роду занятий есть задачка. В моём доме нынче домового нет.

– А куда же Берендей делся? – Никифор удивлённо крикнул.

– Вместе с Аннушкой, дочкой моей, в город подался счастья пытаться, – Таисья вздохнула, между её бровей залегла складка – верный признак тревоги.

Домовой поскрёб в затылке. Берендея он знал давно и был уверен, что просто так тот бы в город не потащился. Небось, ведьма его сама туда спланила – за доченькой присмотреть.

– А когда они вернутся?

– Может, никогда, – Таисья покачала головой. – Плохо мы с Аннушкой расстались, повздорили на прощанье. А Берендей за ней присмотреть обещал.

Никифор усмехнулся в бороду, довольный, что его догадка подтвердилась, а ведьма, утерев пот со лба, продолжила:

– И, понимаешь, стоило им уехать, мне, как назло, тут же домовой понадобился. Может, поживёшь у меня месяц-другой? Если потом захочешь уйти – неволить не стану, а то

смотри, оставайся насовсем.

– Тебе одной, что ли, скучно? Али случилось чего? – Никифор нахмурился. – Ты это, не томи, выкладывай всё как на духу!

Он задумался: что же такого может сделать домовой, что ведьме не по силам? Отгадка оказалась проста:

– Кошмарица у меня завелась, – призналась Таисья, поджав губы. – Приходит ночами, на грудь садится и давит, а сбросить её не могу. Снится мне, что просыпаюсь, а на самом деле всё ещё сплю, и только невнятное чёрное марево у горла колышется, душит. Никак не могу прогнать негодяйку.

– Ишь, – Никифор потёр ладони (между пальцев у него росла шерсть, похожая на волчью). – Не кручинься, ведьма, подсоблю я твоему горю. Поймать кошмарицу за хвост – эт я запросто! Ну, веди, что ли. Буду сегодня твой сон охранять.

* * *

Дома у Таисьи было уютно, ничего не скажешь. Никифор первым делом проверил за печкой – ни соринки, ни паутинки! Ух, хорошая хозяйюшка!

Ведьма потчевала его пирогами, соленьями и молодой картошечкой. Домовой отказываться не стал – а то когда ещё удастся отведать домашнюю стряпню – ел так, что аж за ушами трещало.

– Какие же страхи эта кошмарица насылает? – он отхлеб-

нул квасу из кружки и вытер пену с усов.

– Да всё про дочку Аннушку. Боюсь я за неё, Никифор. Как она там одна-одинёшенька в городе устроится? А ну как обидит её кто-нибудь?

– Ты это брось, Таисья, – домовой откусил огромный кусок пирога и продолжил с набитым ртом: – Тфоя дофька сама кого хофь обидит. Дифья крофь – это же ух, сила!

– Да знаю я. Но материнскому сердцу не прикажешь: оно всё равно болит. И чего ей в Дивнозёрье не сиделось? Нет, понимаешь, упёрлась – хочу в город. А вы мне тут все надоели, говорит. Никакой, понимаешь, карьерной перспективы.

– Эт возраст такой, – вздохнул Никифор. – Сколько ей? Семнадцать? От то-то же – самое время родителям перечить да собственную дорогу в жизни искать. Станешь запрещать – только хуже будет. Сама, небось, такая же была!

– Такая-не такая, а Дивнозёрье никогда бы не бросила! Плохо я её воспитала, Никифор. Так ведь рано родила – сама ещё, считай, дитём была.

– Хорошо или плохо – только время покажет, – пожал плечами домовой. – Ты ещё баба молодая, проживёшь долго. Не спорь, я знаю. А твоя Аннушка, может, в городе замуж выйдет, внуков тебе народит. Кому-нибудь из них и передашь тайное знание.

– Да она, небось, со мной теперь знаться не захочет, – Таисья всхлипнула, а Никифор, наставительно подняв палец вверх, пророкотал басом:

– Мать есть мать! Ты события не торопи: успеется. Помиритесь ещё.

От этих слов Таисья даже повеселела и сама потянулась за пирожком.

– Вот и правильно, поешь, – обрадовался домовый. – А то отошала совсем: кожа да кости.

Ему вдруг подумалось, что жизнь несправедлива: вот Таисья одна о целом Дивнозёрье хлопочет, а о ней самой и позаботиться-то некому. Как-то это не по совести...

* * *

После заката Никифор велел ведьме не зажигать свечей, а сразу ложиться спать. Кошмарицы никогда не появлялись при свете дня, потому что боялись солнца, но с наступлением темноты наступало их время.

– Ложись и спи, – напутствовал он ведьму. – Я рядышком побуду.

Таисья послушно забралась под одеяло, свернулась калачиком и закрыла глаза. Около получаса они просидели в тишине, но заснуть ведьме так и не удалось.

– Не могу, – пожаловалась она, комкая подушку. – Не привыкла так рано ложиться.

– Ща подсоблю, – Никифор сложил ладони особым образом, состряпав сонное заклинание.

Это было первое колдовство, которое он сотворил в доме

Таисьи. Оно отозвалось теплом в ладонях. С пальцев сорвались искры, пробежали по одеялу, мягко осветили ведьмино лицо и тут же погасли. Дыхание Таисьи вдруг стало размеренным – миг, и она уже спала.

А Никифор хлопал глазами, глядя на свои руки: он ещё ни разу не видел таких ярких искр. Сердце вдруг забилось часто-часто: а вдруг?.. Нет, не может быть. Это не его дом, а Берендея. К тому же, уже решено, что никакого «его дома» не существует. Значит, неча губу раскатывать. Он тут просто дело сделает, а потом уйдёт.

Кошмарица не заставила себя ждать: ставни распахнулись, за окном замаячил силуэт бледной девицы с косматыми чёрными волосами и тёмными провалами вместо глаз. Она вспрыгнула на подоконник, потирая руки; проплыла по воздуху до кровати и устроилась на груди у Таисьи. Длинные паучьи пальцы легли на виски ведьмы, изо рта высунулся чёрный, раздвоенный на самом кончике язык.

– Отдай мне свои сны-ы-ы, – вкрадчиво прошептала кошмарица.

Таисья, нахмурившись, заворочалась и открыла глаза, но так и не проснулась. Никифор слышал, что люди называли это состояние «сонный паралич» – когда ты вроде бы и осознаёшь происходящее, а сделать ничего не можешь, потому что руки-ноги не слушаются.

Он вскочил и рывкнул на кошмарицу:

– А ну пошла прочь!

Та вздрогнула и обернулась:

– Домовой? Но откуда?

– Оттуда! – Никифор распрямил спину. Ладони аж саднило и покалывало от волшебства, сплетающегося в нити заклятий. Так вот что, оказывается, чувствовали другие домовые, когда попадали в свой родной дом! Да, ради этого чувства стоило и по чужим дворам помыкаться. Его переполняла небывалая сила. – У-у-у, гадюка, получи!

Никифор схватил негодяйку за плечи и сбросил с груди Таисьи. Клацнув зубами, кошмарица брякнулась на карачки и задом принялась отползать к окну. Эти существа были трусливы: пугали, душили и тянули силы только во сне, а наяву сами боялись любого, кто достаточно смел, чтобы дать отпор.

– И больше никогда сюда не возвращайся! – Никифор топнул ногой, придав ей ускорения. – А то я тебя сам задавлю!

– Простите, дедушка домовый. Я не знала, что туточки уже занято! – простонала кошмарица, а после выпрыгнула в окно и захлопнула за собой ставни.

От их стука Таисья и проснулась.

– Ох, – она приподняла голову, вглядываясь в темноту. – Чую, приходила душегубица. Прогнал?

– А то ж! – Никифор задрал нос. – А ты спи, хозяйюшка, спи. Умаялась, моя бедная. Пусть тебе наконец-то приснятся хорошие сны.

– А ты не уйдёшь? – закрывая глаза, пробормотала Таисья.

– Куда ж я теперь денусь? Ведь это мой родной дом. Настоящий! – Никифор улыбался до ушей. – Да и вообще, должен же кто-то о тебе заботиться, ведьмушка-хозяюшка! Не всё ж тебе с нами возиться. Мы тоже кой-чего можем! Кстати, а кот у тебя имеется? Надо бы мне с ним потолковать.

– Нет кота, – помотала головой ведьма. – Только коловерша. Это почти что кот, но ещё и немного сова.

Никифор, немного подумав, махнул рукой:

– А и ладно, коловерша тоже сойдёт!

Впервые за долгие-долгие годы он был по-настоящему счастлив.

Живин день

Аннушка не хотела возвращаться в Дивнозёрье. Больше никогда! Не для того она убежала в город – казалось, будто с мясом и корнями оторвалась, аж сердцу больно... Ей, конечно, было жалко оставлять мать одну-одинешеньку, но что поделаешь? Свою жизнь хотелось прожить, не чужую. Да и они никогда друг друга толком не понимали. Ну, может, только в самом раннем детстве, когда Аннушка еще под стол пешком ходила...

Ее, малую, в деревне шпыняли все кому не лень. Все потому, что мамка дочку без мужа родила и никогда не говорила, кто отец. Жили они обособленно, всех сторонились, мать травы собирала да заговоры нашептывала – вот и прозвали ее ведьмой, а Аннушку – ведьминым выкормышем. Еще и за уши вечно дергали – угораздило же с заостренными родиться!

Конечно, она уехала при первой возможности: а кто бы не уехал? Поступила в техникум, потом в институт, выбила себе общежитие, нашла работу... Поначалу ей тоже непросто было – ну а кому сейчас легко? Везде голодно. Только в городе какие-никакие перспективы есть, а в деревне – только тоска и уныние. Одноклассники сразу после школы спиваться начали, одноклассницы за этих алкашей замуж повыскакивали, нарожали детей и превратились в толстых неопрят-

ных теток. Не такой судьбы Аннушка себе хотела.

Мать не отпускала ее, грудью вставала, плакала. Пришлось уехать без родительского благословения. Года два они потом не разговаривали, только с днем рождения друг друга поздравляли. Но однажды мама вдруг позвонила и попросила срочно приехать. Конечно, Аннушка не смогла отказать: по тону почуяла, что дело серьезное.

* * *

В Дивнозёрье, казалось, время вообще остановилось. Город рос и ширился, манил огнями дискотек, современной музыкой и шорохом шин, а родная деревня какой была, такой и осталась – маленькой, грязной, с обшарпанными заборами и покосившимися домишками. Все это производило на Аннушку тягостное впечатление. Едва спрыгнув со ступеньки автобуса на старенькой кирпичной остановке, она сразу же поняла, что мечтает поскорее уехать домой, в столицу. А место, где она когда-то родилась и выросла, больше не было ее домом...

Но мать приболела, ей нужны были лекарства, и Аннушка, сжав зубы, потащилась сначала в аптеку, потом за продуктами.

Войдя в избу, она первым делом выложила из сумки торт, привезенный из города. Ну, то есть как «торт» – покупные вафли, пропитанные сгущенкой. Хотя в деревне и того не

было – магазин сверкал пустыми полками.

Встреча с матерью после стольких лет вышла какой-то скомканной. Они неловко обнялись, Аннушка чмокнула ее в щеку – не потому, что сильно соскучилась, а просто знала, что от нее этого ждут. Потом сели за стол, начались разговоры: как работа (нормально), как личная жизнь (все окей), как учеба (да сказала же уже, ма, нормально)...

Мать поджала губы, будто бы не веря.

– Скажи, дочк, ты не замечала, что в последнее время тебе... ну, как будто бы не везет?

Аннушка пожала плечами. Она не привыкла жаловаться, но вообще-то мать была права: в последний месяц напасти на неё сваливались одна за другой. На работе зачастили проверки, и ей ни за что ни про что влепили штраф. В институте один из преподавов невзлюбил старательную студентку и уже не раз выставлял ее на посмешище перед всей группой, а на днях даже сказал, что экзамен она не сдаст. Наверное, взятку вымогал, гад. С Генкой – так звали Аннушкиного парня – отношения тоже разладились...

– Можешь не отвечать, сама все вижу. Я же ведьма. – Мать размешивала в чашке растворимый аспирин, звеня ложечкой.

– Не говори ерунды, – усмехнулась Аннушка. – Какая еще ведьма? Смех один! И вообще, сейчас модно говорить «экстрасенс».

– Послушай меня, Анна. – Голос матери вдруг стал очень

серьезным. – Только не подумай, что я из ума выжила. Мне давно стоило тебе напомнить... Дивнозёрье – необычное место. Пожалуй, другого такого на свете и нет. Эта земля хранит много тайн, и мы с тобой с нею крепко-накрепко повязаны.

– Ой, вот только не начинай опять, – Аннушка, скривив рот, отмахнулась. – Слышала уже: «Где родился, там и пригодился». Я не вернусь, и точка!

– Ох, не отпустит тебя Дивнозёрье. – Мать вздохнула, промокнув потрескавшиеся губы салфеткой. – Хочешь уехать – неволить не стану. Но знай, что удачи тебе в жизни не будет.

– Не каркай. – Аннушка хоть и не верила во всю эту потустороннюю чушь, а все-таки постучала по дереву – так, на всякий случай.

– Эх, а в детстве ты все видела и понимала. – На потемневшие материнские глаза навернулись слезы. – Жаль, потом вдруг как отрезало...

– Не понимаю, о чем ты!

– Позволь мне напомнить.

Мать взяла ее руки в свои ладони, поднесла их к губам, будто бы собиралась поцеловать, и что-то тихонько зашептала.

Аннушка закатила глаза: «Ну, началось сим-салабим-абракадабра...» Только в этот раз что-то действительно произошло. В лицо вдруг дохнул ветер, взметнув ее смоляные волосы... а ведь они просто в доме сидели, чаевничали – от-

куда бы тут взяться сквозняку? Аннушке показалось, что на кухне запахло свежескошенным сеном – прямо как в детстве на чердаке, где она так любила играть (Сеном. В конце апреля, ага! Да на улице еще трава толком не вылезла!), и знакомый аромат всколыхнул все то, что она так яростно старалась забыть...

* * *

Когда Аннушка была совсем маленькой, по утрам ее будил старичок домовый. Приходил и щекотал нос колоском так, что она, смеясь, чихала, а потом садилась на кровати, протирая кулачками заспанные глаза.

– Берендей! Ну, перестань!

– Пора вставать, маленькая хозяйка. Молоко уже на столе стынет, блинцы готовы, а ты все спишь, соня-засоня! Раздвинь шторы,пусти солнышко.

И Аннушка вставала, распахивала окно, вылезала на подоконник, щурясь от яркого света.

Садовые кикиморы таскали ей яблоки – специально выбирали самые сладкие и сочные. Лесавки угощали орешками (Аннушка часть съедала сама, а другую скармливала смешным рыжим белкам). Она бегала купаться на Жуть-речку и играла с водяницами то в салочки, то в прятки под корягами или в водяного: смысл игры заключался в том, чтобы обрызгать соседа, а самому остаться сухим...

Куда же все это ушло?

Аннушке пришлось приложить руку к груди, чтобы унять сердце, вдруг застучавшее часто-часто. Она вспомнила, как в школе ее впервые подняли на смех. Мол, выдумываешь ты все, Анька! Никакой нечисти не бывает, сказки это! И ладно бы только одноклассники ржали, но учительница их тоже поддержала. А потом строго сказала:

– Врать – это очень плохо, Анна. Хорошие девочки так себя не ведут.

А ей хотелось быть хорошей и чтобы любили. Это позже Аннушка поняла: что бы она ни делала, а всем на свете мил не будешь. Прозвище «Анка-врушка» пристало к ней да так и не отлипло до последнего класса, хотя она больше никогда не рассказывала о своих волшебных друзьях. Да и рассказывать было толком нечего: она перестала болтать с домовым, не брала больше дары кикимор и лесавок, отмалчивалась, когда мавки брызгались водой... а однажды просто перестала их видеть.

Только теперь она вспомнила, как мать обещала передать ей свой колдовской дар (мол, подрастешь – станешь ведьмой-хранительницей Дивнозёрья) – и свой дерзкий ответ:

– Ты чего несешь, мать? Хватит с меня этих глупых суеверий. Нас в пионеры на следующей неделе принимать будут. А настоящие пионеры не верят ни в бога, ни в черта. Эх, что ж ты у меня такая необразованная...

С тех пор все – как отрезало. Настоящее волшебство –

штука тонкая: не хочешь его замечать, настаивать не будет. Потом, правда, уже и захочешь – не увидишь. Поэтому часто бывает так, что дети замечают волшебные вещи, а взрослые – нет. Аннушка просто рано повзрослела...

* * *

– Ну чего ты сейчас-то хочешь, мам? – Она в сердцах звякнула чашкой о щербатое блюдечко. – У меня уже давно другая жизнь. Не нужно мне твое волшебство, одна морока с ним. Меня люди и так всю жизнь за дурочку и врушку держали, остроухой кикиморой дразнили. Я с первой же зарплаты в городе пластику ушей сделала, чтобы от нормальных людей не отличаться. Тебе, может, и привычно всю жизнь одной куковать, а я замуж хочу выйти, бизнес свой открыть, деньги зарабатывать хорошие, за границу съездить, на море...

– Анют, ну тогда скажи это не мне, – вздохнула мать. – Пускай уже Дивнозёрье тебя отпустит раз и навсегда. В нашем роду с давних пор рождались девочки со способностью видеть незримое. А в тебе еще и дивья кровь. Твой отец не человеком был, понимаешь?

Аннушка, конечно, знала это, но тоже вытеснила из памяти. Эх, ну почему ей нельзя быть самой обычной девчонкой, безо всей этой волшебной ерунды?

– Ладно. – Она поправила челку (перед поездкой постриглась по последней моде, а мама даже не заметила, обидно!). –

Как мне отказаться от дара? В поле выйти покричать?

— А хоть бы и в поле. Сегодня же Живин день. Те, кому надо, — услышат. Только захвати с собой даров, чтобы не разгневались добрые соседусшки. Ты же вроде как их милость отвергать собираешься.

— А я их ни о какой милости не просила, между прочим! — вскинулась Аннушка.

Но все-таки послушалась: завернула в пакет кусок вафельного торта, пару бананов (с таким трудом достала, а мама даже не попробовала, обидно!), колбаски в нарезке (на работе к майским праздникам выдали), по совету матери взяла еще крашеные яйца и семечки для птиц и, как только выпала ночная роса, потащилась со всей этой снедью в поля — оберег на шею надевать не стала, хотя мать настойчиво совала в руки какую-то деревяшку. Ей уже хотелось разделаться со всем этим как можно скорее...

* * *

В воздухе пахло дождем и влажной землей. Казалось, моргнешь — лопнут почки, зазеленеют деревья, пойдут в рост побеги... Природа уже пробудилась и готовилась выстрелить зеленью. Аннушка всегда любила весну, но сейчас особой радости не испытывала. Ей было немного не по себе: все казалось, будто бы за ней кто-то наблюдает из тьмы...

Выйдя в поле, она рассыпала угощение для птиц, выло-

жила дары на бязевую скатерку и уселась прямо на землю, скрестив ноги по-турецки.

– Какой же ерундой я собираюсь заняться! – сказала она с нервным смешком и прикрыла глаза.

Деревенская ночь не была тихой. Повсюду что-то скрипело, пересвистывалось, ухало. В овражке звенел ручеек, где-то неподалеку квохтали куры, мычала корова в чужом хлеву...

Аннушка коснулась пальцами влажной распаханной земли и прошептала:

– Не знаю, кто меня слышит и слышит ли вообще, но я пришла сказать, что отказываюсь от всего, что положено мне по праву рождения. Не желаю быть ведьмой-хранительницей. Не моя это судьба. Отпустите, прошу. Дайте прожить свою собственную жизнь, не отнимайте удачу и маму тоже не наказывайте. Она ни в чем не виновата, пусть не болеет и не страдает из-за меня.

– А много ли ты знаешь о судьбе, ведьма? – раздался над ухом тихий насмешливый голос, и Аннушка, вздрогнув, открыла глаза.

Перед ней стояла совсем молодая девчонка – тощая, угловатая, от силы лет четырнадцати на вид. Ее куцые светлые косички смешно торчали вверх, все лицо было покрыто конопушками, из-под короткого платьяца виднелись сбитые коленки и босые ступни.

– Ты кто такая? – Аннушка захлопала глазами. – Что ты

вообще делаешь ночью в поле? Тебе баиньки не пора, а?

– Мое время только наступает, – фыркнула девчонка. – Ты позвала, и я услышала. А кто я – не суть важно.

– Ну, надо же мне тебя как-то называть. – Аннушка широким жестом указала на дары: – Ты это... угощайся, что ли.

Девушка взяла банан и с некоторым недоумением покрутила его в руках.

– У меня много имен. Хочешь, зови Судьбопряхой. Хочешь – сестрицей Весной. Или любым именем, какое тебе по нраву. Все равно мы видимся в первый и последний раз.

У Аннушки аж дыхание перехватило.

– Значит, ты меня отпустишь?

– Неволить не стану. – Судьбопряха улыбнулась, но ее синие глаза так и остались серьезными. – Но плату потребую. Негоже от предназначения за здорово живешь отказываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.